

<https://www.chayka.org/node/2018>

Бузукашвили М. Даниил Гранин: «Человек – тайна, которую невозможно разгадать»: [Интервью с Д.И. Граниным] // Чайка (Seagull magazine): американский интернет-журнал на рус. яз. – 2018. № 18 (125), 16 сент. – URL: <https://www.chayka.org/node/2018> (дата публикации: 16.09.18).

Опубликовано: 16 сентября 2008 г.

Даниил Гранин: «Человек — тайна, которую невозможно разгадать»

Михаил Бузукашвили

Нью-Йорк

Даниил Александрович Гранин однажды говорил о том, как важно было для него постигнуть смысл слов Александра Бенуа: "Величайшая роскошь, которую только может позволить человек — всегда поступать так, как ему хочется".

Вот такие герои, поступающие так, как велит им совесть, любимы писателем. Он знал их, потому что сам похож на них. Ведь знаменитый писатель в молодости был инженером-электротехником, великолепно знал тот мир, который изображал. По его романам поставлены фильмы, о самом писателе недавно рассказывала четырехсерийная кинолента.

Интервью Даниил Александрович давать не любит, и, несмотря на давнее знакомство, было очень непросто уговорить его на эту беседу.

— Даниил Александрович, несколько десятилетий прошло, а я до сих пор помню, как начиналась ваша книга "Иду на грозу". Волшебник сбежал по трапу самолета в восемь часов утра. И сразу же такой настрой был оптимистичный. До сих пор некоторые эпизоды этой книги у меня в памяти. Наверное, потому, что и в этой книге, и в других вы рассказывали о ярких и неординарных личностях. Образ некоторых из них ваши читатели пронесли с собой через всю жизнь. Вспомним хотя бы Зубра, выдающегося ученого Тимофеева-Ресовского. Эти ваши герои, с которыми вы встречались в жизни, просто придуманы вами, или, как в случае с Зубром, домыслены вами?

— Здесь и то и другое, как всегда бывает почти у каждого писателя. Есть какая-то доля сочинительства, без которой писатель не может существовать. Писатель обязательно должен быть сочинителем. Это старое название, которое является свидетельством фантазии и воображения. И, кроме того, эти характеры — свидетельство жизненного опыта и жизненных впечатлений. Все это смешивается в литературном творчестве, и уже не разберешься, где что было и где чего не было никогда. В этом и есть прелесть и вкус литературной работы.

Я много писал о том, что связано с достижениями науки. Я пытался раскрыть поэзию научной работы. Эта тема ведь почти не присутствовала в литературе. Я не писал о людях гениальных, потому что гении — это явление, не поддающееся логике. Гении живут по своим законам, особым. Я помню, после гнуснейшей сцены на первом съезде народных депутатов, когда академика Сахарова согнали с трибуны, я подошел к нему и предложил пойти ко мне в гостиницу "Россия", где я жил. Сахаров удивился: "Зачем это?" Я ему говорю: "Вы же разнервничались". А он мне отвечает: "Ничего подобного".

Все зависит от психологии и цели. Я бы на его месте точно пал духом и нуждался в утешении. А Сахаров эту отвратительную сцену не воспринял как обструкцию. Он сказал с трибуны то, что хотел сказать. И он был доволен этим.

Я писал о людях талантливых, одержимых своей идеей. При невероятной целеустремленности и настойчивости человек может творить чудеса. Если сделает правильный выбор. Увы, человек не всегда делает такой выбор, не всегда может точно определить свое призвание. Часто из-за неправильного выбора вся жизнь идет не так, как хотелось, человек занимается тем, что ему неинтересно. И это большая драма.

— Я думаю, притягательность вашего творчества в том, что в центре повествования у вас всегда стояла Личность. Личность, которая бросала вызов обществу. Я до сих пор помню вашего героя Крылова из романа "Иду на грозу". В сложной ситуации он остался совсем один и неожиданно приобрел единомышленника, который сказал: "Не люблю, когда человек совсем один, а все против него". Или я вспоминаю "Зубра". Как бы ни ругали, ни прорабатывали Тимофеева-Ресовского, он никогда не отвечал на клевету и грязь, потому что знал свою правоту и верил в нее.

Ваши герои доказывали способность не только менять свою жизнь, но и менять жизнь вокруг себя. Личность и общество — вот эта тема всегда была у вас в центре вашего повествования. В каком взаимоотношении находятся эти два понятия?

— Это всегда было важно, а особенно в нашем тоталитарном обществе. И сегодня это еще сохраняется. Пресс идеологии сминал и деформировал человека. Человек превращался в существо, которое живет чужими мыслями и чужими программами. А нынче, как ни странно, при нашей вездесущей информации, это тоже своего рода тоталитарное общество, в котором мы живем, потому что эта информационная система так давит на человека, что очень трудно сохранять свою независимость, свое собственное мышление. Ведь мало, кто у нас вообще думает. Мы пользуемся в жизни чужими бесплатными заготовками, то ли телевидения, то ли интернета, то ли газет и радио. Очень трудно сегодня добраться до человеческой души, побудить человека заново взглянуть на мир, избавиться от тех банальностей, которыми нас опутывают изо дня в день.

Поэтому мне дорог и интересен прежде всего человек как отдельное существо от общества, который может быть Личностью совершенно самостоятельной. Возможности человека беспредельны, если у него есть вера в себя.

— **Вы сказали: "мало, кто думает сейчас". Люди всегда мало думали сами. За них думали отдельные, очень немногие, которые и двигали человечество вперед. Так всегда было и есть...**

— Думать — это не обязательно мыслить о каких-то глобальных философских категориях. Раньше даже крестьянин, обыватель, который не читал газет, не имел доступа к широкой информации, — мыслил, понимал свое предназначение. Его религиозные представления, природа, с которой он общался, все это рождало у него свое собственное, личностное отношение к жизни, к вселенной, к Богу. Речь идет не об интеллектуалах. Обыкновенный, простой человек был мыслителем. Сейчас это, к сожалению, становится редкостью. И это печально.

— **Вы говорите, простой человек был мыслителем. Но одновременно он и делал конкретную работу. Пахал, сеял, собирал урожай. Но, кроме того, были и люди, которые занимались тем, что пытались духовно изменить мир. Были Сократ, Платон, Леонардо да Винчи, Шекспир, Толстой. Можно сотни имен назвать.**

Стал мир лучше благодаря их деятельности? Достоевский говорил: красота спасет мир. Спасла красота наш мир с его злом, катаклизмами, ненавистью, которой столько сейчас на нашей маленькой планете?

— Красота не спасла и, наверное, не спасет мир. Этот вопрос очень серьезный, и он и передо мной возникал. Жизнь завершается, а ведь я ее начинал тоже безумной и отчаянной надеждой, что мои книги что-то могут изменить, добавить правды и справедливости в нашей жизни. Иногда мне казалось — и до сих пор кажется — что чего-то мы все на этом пути достигли, а иногда кажется, что количество глупости, лжи и несправедливости не уменьшилось. Это горькое чувство.

— Вы говорите о горьком чувстве. Вы прожили большую и напряженную жизнь. А по вашим личным наблюдениям, люди лучше стали за последние десятилетия или нет?

— В моем микромире страна стала лучше. Она стала понимать глупость и отвратительность той системы, в которой мы жили. Гнусная была система. Как-то довелось мне беседовать с Молотовым. Он ругал мой рассказ "Собственное мнение", напечатанный в журнале "Новый мир". "Как же вы пишете рассказы, направленные против партии?" Я попытался говорить ему о том, что каждый может и должен иметь собственное мнение. А в ответ услышал от него... Да не хочется вспоминать.

Конечно, есть какие-то слои населения, которые предпочитают прошлую жизнь. Но, в общем, добавилось количество правды. Люди стали больше овеществлять свои способности, возможности. В то же время возникли и какие-то иные печали и заботы. Наше общество стало чрезвычайно поляризованным. Нынешнее общество имеет свои недостатки, но, если бы мне сказали, хочу ли я вернуться в то время, где у меня было больше материального благополучия, то я отвечаю — нет, ни за что.

— Даниил Александрович, я помню одну из встреч с вами лет пятнадцать назад. Вы тогда организовали общество "Милосердие". Сейчас это слово почти забыто в его изначальном смысле. Я помню до сих пор об обычае, о котором вы мне рассказали. Раньше на Руси было зазорно демонстрировать свое милосердие, чтобы не обижать нуждающихся в нем. Бедный человек стучал по специальному желобку, который был в домах. А хозяин дома спускал ему по этому желобку одежду или пищу. При этом не страдало самолюбие просящего, да и дающий оставался анонимным, не кичился добрым поступком. Не то, что сейчас. Помогут ближним, так об этом и телевидение, и газеты трубят, вот, мол, какой щедрый.

— Да, бывает так. Но зря вы говорите, что нет подлинного милосердия. Фонд академика Лихачева награждает людей-подвижников, тех, кто делает доброе дело, не ища ни славы, ни обогащения. Такие люди есть, и они нужны. Они живут не так, как все.

— Как на ваш взгляд, литература в XXI веке будет? Я имею в виду не наше время, не начало столетия, а перспективу историческую. Не забьют ли литературу интернет да средства массовой информации?

— Я не очень люблю предсказания, они безответственны, можно говорить все, что угодно, никто тебя не уличит через десятилетия. Откровенно говоря, меня не очень-то волнует, что будет через сто лет. Надо, конечно, заглядывать в будущее, но жить, прежде всего, днем сегодняшним, сегодня говорить правду, сегодня отстаивать справедливость. Но, конечно, судьба книги внушает мне беспокойство. Не знаю, как повернутся события в свете технических достижений. Но мне кажется, что у книги есть одно преимущество, которых нет ни у одного другого жанра. Это ее интимность. То, что я наедине с этой книгой, я могу остановиться, я могу

задуматься, я могу вернуться. Ее герои после того, как я закрою книгу, продолжают жить со мной, они продолжают жить в любых обстоятельствах. Тот же Дон Кихот, или солдат Швейк, или Анна Каренина. Ведь нас окружают эти герои большей реальности, чем некоторые наши знакомые.

— И Дон Кихоту, и Швейку поставлены памятники. Они действительно большая реальность, чем многие люди жившие, которые канули в Лету, и от них ничего не осталось. А эти персонажи мы воспринимаем как настоящих людей из плоти и крови. Коль скоро мы заговорили о книгах, то какие книги вы пронесли через всю свою жизнь?

— Трудно сказать, у меня менялись пристрастия. Я не случайно назвал Дон Кихота и солдата Швейка, которых я люблю. Это если говорить о героях. А если говорить об авторах, то, конечно, это Чехов, Диккенс, отчасти, может быть, Толстой. Это такие герои, которых мы полюбили в школьные годы и до сих пор не можем с ними расстаться, типа Остапа Бендера из Ильфа и Петрова.

— А почему вы вдруг про Толстого сказали "отчасти Толстой"? Про других безоговорочно говорили, а про Толстого — "отчасти". Поясните, пожалуйста.

— У Толстого мне не все нравится. Есть вещи, которые не выдержали испытание временем. Это естественно для сегодняшнего дня. Не все сохраняет свою ценность.

— Какие качества вы больше всего цените в человеке?

— Я ценю в человеке отдельность его, самостоятельность мысли, люблю людей, у которых есть чувство благодарности, что у нас не всегда бывает, и еще люблю в людях мужество правды. Это то качество, которого не хватает и мне самому тоже.

— Как вы представляете себе настоящую, хоть отдаленно приближающуюся к идеалу жизнь. Толстой как-то сказал: "Спокойствие — это душевная подлость".

— У каждого свои представления о том, какой должна быть жизнь. Для меня дорога возможность работать, сидеть за письменным столом, поскольку меня слишком часто отрывают от этой работы. Для меня очень важна возможность бывать на природе, потому что меня совершенно изматывает, ослепляет и оглушает эта городская жизнь. Стараюсь больше бывать на даче в Комарово. Хотя, когда я работал над романом о Петре, я был привязан к городу, его библиотекам, историческим памятникам и картинам.

— А кем был Петр — тираном, реформатором, или все это сочеталось вместе?

— Эти определения невозможно применить к Петру. Как всякий гений он неопределяем. Для меня он был интересен как личность, человек, а не как реформатор, полководец, дипломат. Мне интересен был его характер и то, как он непостижимо влюблялся, его ослепительные романы с женщинами, его трагедии, нереализованность его способностей.

— И все же, с одной стороны, Петр — Великий, а с другой — гнусные дела творил, человеческую жизнь ни во что ставил, множество людей сгубил, ваш родной Петербург построил на костях людских, всех хотел так вымуштровать, чтобы они на него были похожи. Хорошо ему ответил Александр Кикин, которого Петр к смерти приговорил: "Ум любит простор, а от тебя ему было тесно".

— Нельзя судить о людях, которые жили до нас по сегодняшним меркам. Вокруг Петра много мифологии. Нет никакой достоверной статистики, которая бы говорила о том, что Петербург на

костях построен. Гибли люди, конечно. Но и во времена Людовика четырнадцатого пятнадцать тысяч человек погибло при строительстве Версаля. А то, что хотел обычаи изменить... Так ведь бороды стригли, а после смерти Петра, когда они не запрещались, никто из бояр не отпускал бороды. Тех же бояр заставлял он ходить в европейских одеждах, но ведь после его смерти не стали они носить свои старые кафтаны. Да и женщины ощутили вкус свободы на балах и уже не хотели скрываться в теремах. Трудно судить историю. Много есть тайн, которые для меня остались тайной.

Самое сладкое для писателя — это не понять своего героя до конца. Потому что каждый человек — это тайна. И трудно добраться до этой тайны, которую чаще всего невозможно разгадать.